

Когда Лу И вышел из жилого фургона, снаружи уже вовсю валил густой хлопьевидный снег. Все небо до самого горизонта застилали птичьи стаи, тянущиеся на юг, и их истошный, непрекращающийся гомон изрядно действовал на нервы.

На двухметровой каменной стене, которую на днях выложил Лу И, примостился Андерсон. Он сидел на корточках, вглядываясь куда-то вниз. Воздух наполнился густым, удушливым запахом зверя. Лу И стремительно приблизился и одним легким движением взлетел на каменную кладку рядом с ним.

Предчувствие его не обмануло. У подножия стены сбилась в кучу обезумевшая от страха лавина зверей. Мечась в панике, они давили друг друга; некоторых наводнивший узкую тропу поток безжалостно сталкивал прямо в пропасть.

Лу И мысленно порадовался, что во время беспамятства Тан Буфаня от скуки сложил эту преграду на совесть, не пожалев камня. Не будь стена столь массивной, обезумевшие твари давно бы ее разметали.

— Тропу же завалило насмерть, — с раздражением процедил Лу И. — Какого черта они прут сюда один за другим?

Андерсон покосился на него и, заметив его необычную хмурость, насмешливо вскинул бровь:

— Что, со своим драгоценным учителем поцапался?

Лу И лишь сильнее насупился и промолчал.

Молчание собеседника лишь позабавило полужверя. Его глаза довольно сузились, а на губах заиграла широкая ухмылка:

— Прелестно. Просто прелестно. Я ведь только и жду момента, когда он начнет вить из тебя веревки.

От этих издевок на душе у Лу И стало совсем тошно. Не желая продолжать разговор, он частично перекинулся во вторую ипостась, спрыгнул с двухметровой высоты прямо в гущу панического хаоса и принялся отгонять зверей от стены.

Тем временем в фургоне Тан Буфань, дрожа от пронизывающего холода, плотнее закутался в ватную куртку и медленно побрел в кабину.

Стекла заволокло плотным слоем изморози, сквозь стыки неумолимо просачивался ледяной

воздух, превращая салон в подобие железного ледника. Из-за резкого, мгновенного скачка температуры Братцу Каю требовалось время, чтобы прогреть жилой отсек.

— Сяо Тан, пожалуйста, вернись под одеяло, — раздался голос из объектива камеры, подмигивающей красным диодом. Электронный глаз с беспокойством следил за истощенным мужчиной. — Ты едва оправился от болезни, кабина сейчас слишком холодная для тебя.

Герметичность кабины уступала жилой зоне, и в целях экономии энергии Братец Кай намеревался заблокировать перегородку между ними.

— Нам что-то угрожает? — спросил Тан Буфань, зябко кутаясь в куртку. Окна покрылись белой коркой льда, лишая его возможности увидеть происходящее снаружи, отчего на душу ложилась тревога.

— Мы стоим на уступе обрыва, — мягким, бархатистым синтезированным голосом отозвался Братец Кай. — Нас укрывает склон горы, так что основной поток зверино-го прилива пройдет мимо. К тому же Лу И воздвиг прочную стену. Нам ничего не грозит.

— Покажи мне картинку с внешних камер, — попросил Тан Буфань.

— Внешние объективы полностью обледенели.

Тан Буфань промолчал. Значит, шел сюда зря.

Кабина, со всех сторон окруженная стеклами, успела остыть гораздо сильнее жилого отсека. Поежившись от сквозняка, Тан Буфань поспешил обратно к своей железной кровати, юркнул под тяжелое, потертое одеяло и натянул его до самого подбородка.

Перегородка с тихим шипением закрылась. Воздух в салоне начал постепенно прогреваться. ИИ не стал выкручивать обогрев на максимум: слишком резкий перепад температур не только истощил бы аккумуляторы, но и растопил бы налипший снаружи снег. Талая вода, стекая вниз, мгновенно застыла бы намертво, заковав колеса фургона в ледяной панцирь. Братец Кай рассудил здраво и установил в жилой зоне стабильные три градуса ниже нуля.

При такой температуре, если тепло одеться, вполне можно было жить без особого дискомфорта.

Согревшись, Тан Буфань принялся вялыми, непослушными пальцами разглаживать примятую постель. В ногах высилась аккуратная, пушистая стопка звериных шкур — все это с завидным упорством добывал и выделял для него Лу И.

— Какая сейчас температура на улице? — негромко спросил он ИИ.

Напротив стеллажей послушно мигнул еще один глазок внутренней камеры слежения.

— Минус сорок семь по Цельсию.

— Так холодно?! — Тан Буфань мгновенно встревожился. — Но ведь Лу И ушел налегке, даже без куртки...

— Не беспокойся, Сяо Тан. Высшие зверолюди обладают исключительной морозостойкостью, — мягко успокоил его Братец Кай.

Прекрасно понимая, что машина лишь пытается его урезонить, Тан Буфань никак не мог унять дрожь беспокойства. Ему безумно хотелось выбежать наружу, но здравый смысл твердил, что его появление лишь обузой ляжет на плечи юноши. Сжав зубы, он заставил себя остаться на месте и покорно ждать.

Прошло около двух часов, прежде чем Лу И вернулся. Из-за стремительного натиска ледяного фронта уплотнители дверей фургона намертво прихватило льдом. Снаружи раздалось несколько глухих, но мощных ударов — парень аккуратно, стараясь не погнуть металл, сбивал наледь кулаком.

Наконец тяжелая створка поддалась, и в салон, окутанный морозным паром, шагнул запорошенный снегом Лу И.

Услышав стук, Тан Буфань тут же подбежал к выходу. Струя обжигающего сквозняка заставила его невольно затаить дыхание.

Сквозь просвет в дверях он успел заметить Андерсона — тот в своей неизменной кожанке торопливо пробирался к небольшому гроту в нескольких метрах от машины. В глубине этого каменного убежища уже весело потрескивал костерок, окрашивая серые своды теплым багровым светом.

Дверь за спиной вошедшего защелкнулась, отсекая холод. Тан Буфань моргнул, стряхивая оцепенение, и перевел взгляд на Лу И.

Молодой зверочеловек лениво стряхивал с плеч снежные хлопья, но его напряженный, пристальный взгляд выдавал глубокую тревогу за учителя.

Между ними повисла неловкая тишина.

Всего пару часов назад Лу И открыто признался, что хочет всегда быть рядом. В первый миг Тан Буфаню показалось, будто это признание в любви, но теперь, оставшись наедине со своими мыслями, он начал сомневаться.

Желание быть вместе вовсе не обязательно означает романтическую привязанность. Под этим можно понимать узы дружбы, братства, преданность ученика наставнику или простое стремление стать семьей. До своего перемещения в этот мир Тан Буфань сам долгие годы поддерживал тесную связь со своим научным руководителем. Быть может, Лу И имел в виду нечто подобное?

Стоит ли спросить напрямую? Тан Буфань метался от нетерпения, сгорая от любопытства, но гордость и природная застенчивость сковывали язык.

«Да и зачем?.. — тоскливо подумал он. — Что изменится, даже если я узнаю правду? Рано или поздно мне все равно придется уйти».

Взгляд его потух, подернувшись грустью.

подавив подступившие чувства, Тан Буфань попытался непринужденно перевести разговор в безопасное русло:

— Когда здесь объявился Андерсон?

— Уже несколько дней как, — глухо отозвался Лу И. Он прекрасно видел, как наигранно спокоен его собеседник, и от этого притворства на сердце скребли кошки.

— Ему точно ничего не угрожает в этой пещере? — Тан Буфань не питал к Андерсону теплых чувств, но и откровенной неприязни не испытывал. Все-таки на кону стояла жизнь человека, а при таком экстремальном морозе выжить под открытым небом практически невозможно.

— Справится. Он утащил приличную охапку моих шкур, да и все заготовленные мною дрова припрятаны именно в том гроте, — ответил Лу И.

Тан Буфань лишь безучастно кивнул в ответ. Поколебавшись, он решил выбросить эту мысль из головы: в конце концов, Андерсон не дурак и вряд ли позволит себе окочуриться от холода.

— А что творится снаружи? — спросил он.

— Из-за этого внезапного бурана куча зверья замерзла заживо, — со вздохом ответил парень. — Весь склон усеян трупами. Трава покрылась толстым слоем ледяного наста, все сковало глухим панцирем. Фургону теперь отсюда так просто не съехать.

— Не переживай, — отозвался Тан Буфань. Как человек, сознающий близость собственного конца, он держался куда спокойнее юноши. — Уляжется непогода — тогда и будем думать.

Лу И молча кивнул, не сводя с него золотисто-зеленых глаз.

Неловкое безмолвие вновь окутало салон. Под этим пронзительным взглядом Тан Буфань почувствовал себя безоружным. Желая избежать затянувшейся паузы, он поспешно отвернулся, намереваясь вернуться в постель.

— Послушай, мы... — нерешительно начал Лу И, но учитель поспешно перебил его:

— Я могу взять эти шкуры, чтобы сшить что-нибудь теплое?

—... Конечно, — с затаенной горечью прошептал парень. Он ведь прекрасно понимал, что Тан Буфань знает, ради кого он так усердно трудился, собирая этот мех.

И только сейчас до него дошел истинный смысл издевки Андерсона. Это действительно была изощренная пытка.

Пока Тан Буфань увлеченно разбирал лоскуты меха, Лу И постоял немного в нерешительности и снова шагнул за порог — нужно было развести костер снаружи, чтобы приготовить для больного отвар.

Добычи оказалось на удивление много. В основном преобладал лисий мех, попадались и жесткие волчьи шкуры, а одна — угольно-черного окраса — принадлежала какому-то неведомому Тан Буфаню зверю. Все они были тщательно высушены над огнем, став мягкими, пушистыми и совершенно не пахли сыростью или кровью.

Лисьи шкурки были слишком мелкими — чтобы соорудить из них приличную вещь, требовалось сшить десятки лоскутов. Тан Буфань никогда не держал в руках иглу для кожи, к тому же после болезни его пальцы предательски дрожали. Он сидел перед грудой меха, не зная, с какого бока подступить к работе.

В груди вскипела глухая злость на собственную немощность. Он чувствовал себя жалким калекой, не способным даже продеть нитку в игольное ушко.

Спустя полчаса вернулся Лу И, бережно неся дымящуюся пиалу с лекарством. Застав Тан Буфаня в столь подавленном состоянии, он мгновенно во всем разобрался.

— Учитель, выпейте сначала отвар. А со шкурами я вам помогу, — мягко произнес он, опустив пиалу на складной столик.

Тан Буфаню претила мысль вызывать жалость у парня, поэтому он молча кивнул, взял себя в руки и послушно осушил чашу до дна.

Юноша вновь скрылся за дверью и вскоре принес шкворчащий, истекающий ароматным жиром кусок мяса. Уложив его на разделочную доску, он принялся аккуратно нарезать тонкими ломтиками.

Накрыв на стол, они уселись друг против друга.

Натянутость никуда не делась. Тан Буфань мысленно вздыхал, гадая, суждено ли им когда-нибудь вернуть прежнюю непринужденность в общении.

Ковыряясь в тарелке непослушной, подрагивающей вилкой, он случайно поднял взгляд и опешил: у Лу И приоткрылись клыки.

Острые, словно у заправского вампира, они едва заметно поблескивали при каждом движении губ. Тан Буфань удивленно округлил глаза и уставился на юношу в упор.

Сам парень, увлекшись едой, явно ничего не замечал, пока не ощутил на себе этот напряженный взгляд.

В груди у Лу И сладко екнуло, и робкая надежда согрела душу.

— Клыки, — Тан Буфань указал пальцем на его губы. — Они у тебя отросли.

Лу И ошеломленно замер. В мгновение ока переменившись в лице, он поспешно прижал ладонь к губам.

Проведя кончиком языка по деснам, он со смущением убедился, что резцы действительно удлинились и заострились.

— С чего вдруг? — озадаченно спросил Тан Буфань. Ему еще никогда не приходилось видеть у парня подобных физиологических метаморфоз вне полного превращения.

Лу И, не отнимая руки от лица, густо покраснел. В его поведении просквозила явная нервозность. Спустя долгую паузу он выдал из себя:

— Кажется... у меня начинается гон.

В голове Тан Буфана тут же всплыли подавленные воспоминания. У зверолодей брачный период наступает с суровой регулярностью — раз в три месяца. Быстро прикинув в уме даты, он понял, что срок как раз подошел.

— И... как ты планируешь справляться? — сердце Тан Буфана тревожно сжалось, а в глазах отразилось неподдельное беспокойство.

Лу И и сам мучился этим вопросом, но страшился он не за собственное состояние, а за безопасность своего хрупкого учителя.

В период гона находиться рядом с человеком было безумием, а значит, ему придется уйти. Но оставить Тан Буфаня, едва оправившегося от смертельной хвори, без присмотра в заваленном снегом фургоне — верная гибель.

К тому же снаружи бушевала безжалостная стужа.

Юноша крепко зажмурился, взвешивая все за и против, а затем резко поднялся из-за стола.

— Мне придется уйти на пару дней, — твердо произнес он, глядя прямо на учителя. — Но я попрошу Андерсона присмотреть за вами.

И, не дожидаясь ответа, решительно направился к выходу.

— С ума сошел?! — Тан Буфань в панике вскочил со стула и намертво вцепился в мягкую шерсть его свитера.

— В такой мороз на улицу?! Тебе там не выжить! — сердито выкрикнул он. — Никуда ты не пойдешь! Оставайся здесь, в тепле!

Лу И обернулся, его взгляд был полон муки и нежности:

— Учитель... Моя воля не безгранична. Я просто не ручаюсь за себя, если останусь заперт в этих четырех стенах наедине с вами.

Тан Буфань лихорадочно соображал:

— Я могу приковать тебя. Железными цепями!

— Бесполезно, — горько усмехнулся парень. — В угаре безумия я порчу любые оковы. Да и этот фургон попросту развалится от моей ярости.

— Но...

— Вы хотите, чтобы я укусил вас? — тихо, сдавленно спросил Лу И.

Горло Тан Буфаня сдавило спазмом. Возразить было нечего.

— Вы ведь так отчаянно стремитесь вернуться домой, — продолжал Лу И, и его взгляд потемнел от невысказанной боли. — Помните: стоит мне оставить на вашем теле след от своих клыков — и обратный путь закроется навсегда.

Тан Буфань безвольно опустил голову. Секунды текли в гнетущем молчании, пока его ооченевшие пальцы медленно, один за другим, не разжались, выпуская плотную ткань чужого свитера.

Мерзкое чувство собственного лицемерия затопило его с головой.

Видя, как сник учитель, Лу И на миг замер, но затем глухая тоска в его глазах сменилась бесконечной, щемящей нежностью.

— Не беспокойся ни о чем, — прошептал он. Это было удивительно: Тан Буфаню не требовалось ничего говорить или предпринимать. Одно лишь его присутствие рядом переворачивало всю душу Лу И вверх дном. На него невозможно было злиться или обижаться. Единственное, чего парень желал больше всего на свете — видеть на лице этого человека улыбку.

Осознание собственного чувства нахлынуло внезапно — чистое и ослепительное, словно пробившийся сквозь грозовые тучи солнечный луч. Он наконец понял, что такое любовь.

Не удержавшись, молодой зверочеловек шагнул вперед и легко коснулся губами лба мужчины.

Тан Буфань ошеломленно замер, не смея пошевелиться. А Лу И лишь мягко улыбнулся, обнажив кончики острых клыков.

— Жди меня здесь и никуда не выходи, — тихо проговорил Лу И. В его голосе сквозило облегчение человека, принявшего неизбежное. Резко повернувшись, он бесшумно выскочил наружу, растворившись в снежной пелене.

<http://bllate.org/book/19039/2003683>